

Французскій критикъ о новой русской литературѣ.

Г. Мишель Делинъ, авторъ нѣсколькихъ сочиненій и многихъ журнальныхъ статей о русской жизни и литературѣ, напечаталъ въ одномъ изъ послѣднихъ выпусковъ «Энциклопедическаго Обзорія» Ларусса небольшой этюдъ о русскихъ писателяхъ послѣ Тургенева. Съ полнымъ знаніемъ дѣла и безпристрастіемъ, которыми такъ рѣдко утруждаютъ себя французскіе критики, говоря объ иностранцахъ, авторъ этюда, въ краткихъ, но достаточно выразительныхъ чертахъ знакомитъ читателей съ наиболѣе выдающимися произведеніями въ области нашего романа, драмы и поэзіи отъ смерти Тургенева до нашихъ дней. По мнѣнію г. Делина, въ настоящее время въ нашей литературѣ все еще продолжается «тургеневскій періодъ», ибо «изъ всѣхъ гениальныхъ писателей нашего вѣка одинъ только авторъ «Записокъ охотника» воплощаетъ въ своихъ произведеніяхъ русскую душу въ томъ видѣ, въ какомъ она обнаружилась съ тѣхъ поръ, какъ Петръ Великій прорубилъ въ своемъ огромномъ царствѣ окно въ Европу; одного только Тургенева можно признать законнымъ, по прямой линіи, наслѣдникомъ Пушкина и Гоголя; онъ одинъ благоговѣнно слѣдовалъ по пути, указанному литературѣ великимъ учителемъ всей блестящей фаланги русскихъ писателей, Бѣлинскимъ».

Не будемъ возражать противъ этого тезиса, односторонность котораго и безъ того ясна для всякаго русскаго читателя; укажемъ только, что авторъ, повидимому, придаетъ слишкомъ большое значеніе самой формѣ, въ которую выливаются у новыхъ нашихъ писателей «откровения русской души», — формѣ сжатаго, концентрированнаго романа и повѣсти, впервые

съ такимъ неподражаемымъ мастерствомъ установленной Тургеневымъ. Съ этой стороны, дѣйствительно, ни Толстой, ни Достоевскій, ни Гончаровъ не могутъ быть названы учителями молодого поколѣнія; но, съ другой стороны, странно не видѣть, что въ дѣятельности этого поколѣнія Толстой и Достоевскій своими идеями отразились нѣсколько не меньше, а, пожалуй, даже и гораздо больше, чѣмъ Тургеневъ.

Рядъ своихъ краткихъ характеристикъ представителей новѣйшей нашей литературы г. Делинъ начинаетъ съ Короленка и Чехова. Первый является типическимъ выразителемъ того поколѣнія, которое изображено Тургеневымъ въ «Нови»; второго критикъ считаетъ самымъ выдающимся по таланту и оригинальности представителемъ той эпизодической повѣствовательной манеры, какая завѣщана молодому поколѣнію писателей авторомъ «Записокъ охотника». Г. Делинъ подробно передаетъ содержаніе повѣстей Короленка: «Сонъ Макара», «Въ дурномъ обществѣ» и «Слѣпой Музыкантъ» и даетъ въ хорошемъ переводѣ нѣсколько удачныхъ выдержекъ изъ «Мужиковъ» Чехова. Непосредственно вслѣдъ за этими двумя писателями онъ ставитъ Дѣдлова-Кигна, который хотя и довольно рѣзко отличается отъ нихъ и по характеру своихъ произведеній, и по самой манерѣ письма, но не уступаетъ имъ въ талантѣ и живой наблюдательности. Упомянувъ о «путевыхъ очеркахъ» Дѣдлова, представляющихъ «подробное и колоритное описаніе различныхъ областей неизмѣримаго русскаго царства, съ характерными чертами изъ жизни различныхъ слоевъ общества, отъ мужика до самаго

высшаго чиновника», критикъ съ особенною подробностью останавливается на анализѣ романа «Сашенька» и на характеристикѣ героя этого произведенія, въ которомъ отразилась душевная неустойчивость поколѣнія, слѣдовавшаго за героями «Нови». «Романъ этотъ, говоритъ критикъ, нѣсколько растянутъ (въ манерѣ Толстого и Достоевскаго), но написанъ очень добросовѣстно, и строгая заботливость автора о психологической правдѣ тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что именно это качество всего болѣе повредило успѣху книги среди обширнаго круга читателей. На мой взглядъ, въ современной русской литературѣ не много найдется произведеній, которыя такъ глубоко захватывали бы извѣстные слои общества, какъ этотъ романъ». Критикъ выражаетъ желаніе, чтобы французская публика ближе познакомилась съ «Сашенькой», который вовсе не заслужилъ того невниманія, которое такъ несправедливо досталось на его долю.

Для тѣхъ изъ французскихъ читателей, которые признаютъ только «веселую» литературу, г. Делинъ рекомендуетъ произведенія Потапенка, — «единственнаго изъ современныхъ русскихъ писателей, который смотритъ на жизнь сквозь розовые очки и котораго можно читать, не портя себѣ желчи, какъ французы, смотрятъ комедія Лабипа». Упомянувъ о томъ, что нѣкоторыя изъ произведеній Потапенка переведены на французскій, нѣмецкій и англійскій языки, критикъ замѣчаетъ, что между ними трудно указать что-нибудь особенно выдающееся: «все они похожи другъ на друга какъ своими недостатками — незначительностью сюжетовъ и слабостью исполненія, — такъ и достоинствами — тою постоянно бодрою жизнерадостностью, которая въ состояніи обезоружить самаго придирчиваго критика».

Переходя, затѣмъ, къ новой русской поэзіи, — послѣ смерти Некрасова, — критикъ даетъ краткую характеристику Надсона и вскользь упоминаетъ о Милославскомъ,

Фругъ, Мережковскомъ и Фофановъ: «первый извѣстенъ въ особенности своей поэмой «Бѣлыя Ночи»; второй воспѣваетъ преимущественно страданія своего племени (Фругъ, точно такъ же, какъ и Милославскій, — еврейскаго происхожденія); третій далъ прекрасный разсказъ въ стихахъ — «Вѣра», а четвертый забавляется изящнымъ обтачиваніемъ маленькихъ пустяковъ».

Г. Делинъ заключаетъ свой этюдъ нѣсколькими словами о современной русской драмѣ, въ которой онъ не находитъ ничего особенно замѣчательнаго. «Островскій все еще ожидаетъ себѣ преемника». Критикъ отмѣчаетъ, впрочемъ, двѣ-три пьесы М. Чайковскаго, «Цѣну жизни» Вл. Немировича-Данченко и съ особеннымъ сочувствіемъ отзывается о литературной дѣятельности кн. Сумбатова, не забывая и актера Южина, какъ талантливаго истолкователя Шекспира и Гюго. Онъ выражаетъ даже желаніе видѣть Южина, въ роляхъ Рюи Блаза и Эрнани, на одной изъ парижскихъ сценъ.

Общій выводъ г. Делина заключается въ томъ, что наша литература, не взирая на кажущуюся бѣдность выдающимися молодыми силами, все-таки представляетъ собою еще довольно блестящее явленіе въ литературномъ движеніи конца вѣка. Будемъ вѣрить и надѣяться, что «начало вѣка» окажется производительнѣе и плодотворнѣе «конца»...

Excelsior.